

«Африканское присутствие» в Бразилии характеризуется как на «профессионально-интеллектуальном», так и на низовом уровне, уровне народной культуры. Рассматриваются такие его аспекты, как профессиональный синкретизм, народные праздники, музыка, танцы.

Следует также отметить, что явно недостаточно характеризуется роль рабства, явившегося инструментом детрибализации и дегенерации для выходцев из Африки и их потомков, что во многом определяет отличие афроамериканской (прежде всего Карибской) ситуации от «индейской» и собственно африканской, глубину восприятия европейской «цивилизационной составляющей».

В Заключении Я.Г. Шемякин подводит итоги исследования, выделяя типы межцивилизационного взаимодействия (противостояние, симбиоз и синтез) в Латинской Америке. Здесь автор менее категоричен в констатации реальности синтеза, чем в книге I (гл. 2), им подчеркиваются незавершенность этого процесса, его «неполнота и ущербность». Условием успешного осуществления модернизации Я.Г. Шемякин считает завершение процесса культурного синтеза.

В целом работа, сделанная авторами монографии, представляется полезной и во многом плодотворной. Нетривиальность, новизна авторского подхода в значительной степени компенсируют имеющий иногда место недостаток фактического материала, схематизм и слабую аргументированность некоторых выводов. Ряд положений могут послужить предметом дискуссий и основой для дальнейших исследований «цивилизационной основы» конкретных этносов и этнополитических общностей. В этом плане монография должна вызвать интерес широких кругов обществоведов, и прежде всего этнологов.

Примечания

¹ Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. II. М., 1995. С. 12.

² Грибанов П.В. Креолизация и межэтническая интеграция в полиэтничных странах Карибского региона // Этнографическое обозрение. 1995. № 6.

³ Дридзо А.Д. Тринидад и Тобаго // Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978; Грибанов П.В. Этносоциальные процессы в Гайане и Белизе. М., 1993.

П.В. Грибанов

© 1997 г., ЭО, № 4

Seppo Lallukka. Komipermajakit-perämaan kansa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros. Helsinki, 1995. 198 s.

Рецензируемый труд издан на финском языке, в переводе на русский его название – «Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом». Следует напомнить, что «окраинная земля» – (perämaa) означает в финском языке также историческое название восточноевропейских земель, откуда, по мнению многих историков языка, произошел и древний этноним коми Пермь, а позже – и географическое наименование.

Рассматриваемое нами исследование имеет свою предысторию.

В 1990 г. в Хельсинки была издана фундаментальная монография, посвященная восточнофинским народам России (The East Finnic Minorities in Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends). Ее автор – финский исследователь, сотрудник Института России и Восточной Европы, доктор социологии Сеппо Лаллука. Монография получила высокую оценку в Финляндии, весьма хвалебная рецензия на эту работу была опубликована и на страницах «Этнографического обозрения». Однако там не было отмечено, что, во-первых, источниковая база работы была в основном ограничена публикациями отечественных исследователей и материалами переписей населения, а во-вторых, из поля зрения ученого совершенно выпал целый народ – коми-пермяки. Эти недостатки работы определили и ее сильный демографический уклон, и несколько поверхностный характер некоторых суждений. Впрочем, для самого автора эти недостатки были очевидны; объяснялись они отсутствием возможности для западных ученых вести полноценную полевую исследовательскую работу в бывшем Советском Союзе. Был еще один существенный факт, который не позволил не только финскому исследователю, но и отечественным ученым, занимавшимся суммированием региональных исследований, использовать данные о современном состоянии коми-пермяцкого этноса: в течение десятилетий систематическое этнографическое изучение коми-пермяков не проводилось. Лишь в начале 1990-х годов сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН была разработана программа изучения коми-пермяков, предусматривавшая проведение массового опроса населения в Коми-Пермяцком округе, полевые исследования и сбор информации о коми-пермяцкой диаспоре (руководитель проекта Ю.П. Шабавев). Согласно договоренности с руководством Института России и

Восточной Европы к реализации этого проекта подключился и Сеппо Лаллукка. Итогом этой совместной работы стал ряд публикаций¹, в том числе и исследование С. Лаллукка.

Рецензируемая монография состоит из 6 разновеликих частей, сылочного аппарата, списка использованной литературы и указателя имен, упоминаемых в тексте работы.

Первая часть носит характер экскурсии в тему исследования: даны общие сведения о коми-пермяках, их численности по переписи 1989 г. (152 100 человек), об округе как низшей единице в иерархии национально-государственных образований в бывшем СССР. Отмечено, что у современных коми-пермяков, как и у многих других народов Российской Федерации, наблюдается множественная самоидентификация: разные группы этноса могут рассматривать себя и как коми-пермяков, и как людей с двойным самосознанием, и даже как русских. Это положение сложилось по причинам исторического характера, в частности, в результате разрушительной политики в отношении культуры и языка коми-пермяков. Данная часть работы очень важна для финского читателя, который имеет весьма смутные представления о коми-пермяках.

Вторая глава монографии имеет обобщающе-теоретический характер и называется «Родина, периферия национальных меньшинств и политизация этничности». В ней рассмотрены проблемы определения родины, этнотерритории в советской литературе и очерчены особенности советского федерализма, которые сохраняются также в российском федерализме. По мнению автора, иерархия национально-государственных образований и в наши дни осталась прежней. Однако реальная ситуация, безусловно, сложнее, и автору, к сожалению не удалось в полной мере отразить современные проблемы федерации, глубину и многогранность дискуссий вокруг этих проблем. Далее автор характеризует основные черты периферии, к которым относит: 1) зависимость от центра во многих жизненно важных отношениях; 2) экономическую отсталость, односторонность развития экономики и ее сырьевую направленность; 3) культурную маргинальность, несамостоятельность и слабость. К этому добавляется также географическая удаленность и особый периферийный или провинциальный идентитет. Коми-пермяцкий округ, отмечает С. Лаллукка, имеет все характерные черты внешней колонии по классификации западно-европейских этнологов С. Роккана и Д. Урвина. Затем он расширявает модель внутреннего колониализма по теории М. Гектера и соотносит ее с Коми-пермяцким округом, находящимся внутри Пермской области и внутри Российской Федерации. Идея автора о «Внутренней колонии» выглядит весьма спорной, ибо если отвлечься от национального фактора, то такими колониями окажутся очень многие районы Нечерноземья. Более приемлемо здесь, на наш взгляд, другое определение, которое дал С. Лаллукка в одной из своих газетных публикаций – «периферия периферии», хотя, конечно, оно и выглядит публицистичным. Вторую главу завершает рассмотрение происходящей политизации проблем, связанных с национальными меньшинствами, как современной тенденции во многих странах Европы. Дан анализ факторов, обуславливающих национальную и региональную мобилизацию, которая происходит в России как следствие и результат посткоммунистического перелома.

Третья глава «Ключевые этапы истории подчинения» целиком посвящена истории коми-пермяков и соответствующего региона. Необходимо отметить, что в финской литературе это первый опыт изложения истории коми-пермяков начиная с легенд о чуди до наших дней. Автор проработал всю, и в первую очередь российскую, историю-этнографическую и лингвистическую литературу, и разделил свой очерк на 3 части. Первый подраздел «От Перми Великой до Коми края в Пермской губернии» описывает исторические события и процессы, предшествовавшие созданию округа: присоединение к Московскому княжеству, русская колонизация пермских земель и их роль в присоединении Сибири, рост вотчин графа Строганова и развитие крепостничества, развитие горнозаводской промышленности в крае и становление его как окраины индустриального Урала. Автор констатирует, что Коми-пермяцкий край много столетий был дальней периферией, что повлекло за собой его сильную отсталость. Специальный подраздел посвящен стереотипам в оценке русскими коми-пермяков как слаборазвитого и дикого народа, что отражено в дореволюционной краеведческой литературе. Второй подраздел называется «Автономный округ – внутренняя советская колония». В ней изложены события, предшествовавшие созданию округа, усилия коми-зырян и пермяков по объединению в одну административную единицу. Кратко охарактеризованы формирование экономики округа и трудности в лесной отрасли и сельском хозяйстве, переживаемые сегодня. Интересен параграф, посвященный процессу периферизации округа, все усиливающемуся его отставанию, что повлекло за собой и ухудшение бытовых условий. Все это подтверждено многими статистическими данными. Экономический кризис последних лет повлек за собой рост алкоголизации населения, самоубийств и уровня смертности среди коми-пермяков и по существу сделал округ зоной экономического бедствия. В третьем подразделе «Язык и культура. Обрусение, комизация, маргинализация» даны подробные сведения о первых памятниках коми-пермяцкой письменности, о вкладе школы Н. Ильминского в воспитание коми-пермяцкого учителя во второй половине XIX в. Интересно, что типовые буквари для школ на коми-пермяцком языке появились на рубеже веков, т.е. раньше, чем на коми-зырянском языке. 1920-е годы автор называет периодом расцвета культуры округа, что вполне справедливо. Показана роль коми-зырянской культуры в оказании помощи и поддержки первым коми-пермяцким писателям, в издании учебников и художественной литературы, в языковом строительстве и т.д. Далее показан процесс культурного упадка этноса (сокращение числа национальных школ, числа учащихся, занимающихся по национальной программе). Эту главу заключает

раздел о печатном слове на коми-пермяцком языке, содержащий данные о развитии книгопечатания, изменениях тиражей книг в разные периоды. Подчеркнуто почти полное отсутствие периодики на коми-пермяцком языке. Единственная окружная газета «Парма» выходит на русском языке, эпизодически публикуя отдельные странички на коми языке; лишь три года тому назад начал выходить детский журнал «Силькан», где стали помещать отдельные публикации на коми-пермяцком языке. Начали готовиться теле- и радиопередачи на коми-пермяцком языке. В целом уровень функционирования коми-пермяцкого языка очень низкий, что и показано автором на многочисленных примерах, графиках и диаграммах.

Четвертая глава «Регион, население и язык» состоит также из трех частей. Первый подраздел посвящен демографическому исследованию населения округа в целом, безотносительно к национальному составу жителей. Рассмотрены типы населенных пунктов, их величина и концентрация. Так, 60% из всего населения округа сосредоточено в южной его части, на четверти площади края. Далее анализируются миграционные процессы. В 1950-е годы население округа росло за счет притока рабочей силы в лесные поселки; за 1959–1989 гг. оно сократилось на 33%, в то время как число жителей области в целом возросло. Жители округа мигрировали в основном в города Пермской области, где были лучшие условия для жизни. В настоящее время население округа составляет около 160 тыс. человек, на рубеже 1950–1960-х годов было 230 тыс. человек. Поло-возрастная структура населения округа перекошена, соотношение женского и мужского населения в разных возрастах асимметричное, что также является следствием многих демографических потерь (выезд женщин 20–29 и 30–39 лет за пределы округа и т.п.). В последние десятилетия наметилась и тенденция к старению населения, сократилась рождаемость и увеличилась смертность, особенно мужская. Второй подраздел IV главы посвящен анализу региональной основы коми-пермяцкого идентитета. На основе данных переписей населения разных лет и других статистических данных автор прослеживает изменения численности коми-пермяков. Этот этнос пережил множество глобальных трагедий: голод, войны, коллективизацию, из-за чего количество коми-пермяков в округе постоянно сокращалось, а рост общей их численности почти прекратился, главным образом по причине ассимиляции. Далее автор подробно освещает национальный состав округа, этнические границы. Описаны наиболее значительные группы коми-пермяцкой диаспоры (язывнцы, зюзьдинцы, группы коми-пермяков в Перми, Березниках, Чердыни). Анализ поло-возрастной структуры коми-пермяков округа проведен по когортам (группам по возрасту), построены демографические пирамиды, позволяющие наглядно сравнить поло-возрастную структуру коми-пермяков с подобными показателями у населения области.

На основе анализа распространенности смешанных браков и рассмотрения коми-пермяков по когортам автор выявляет интенсивность процесса ассимиляции в период с 1959 по 1989 г. Третий подраздел IV главы «Разрушительное двуязычие» раскрывает исторические связи коми-пермяцкого и русского языков, языковые навыки и предпочтения населения округа, данные о которых получены в результате массового опроса летом 1992 г. Анализ проведен по когортам, выявлены языковые комбинации четырех групп коми-пермяков: национальных монолингвов, неассимилированных билингвов и ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, называвших себя коми-пермяками. Рассмотрено употребление коми языка в городе и на селе в разных сферах общения. В заключении к главе автор пишет, что, несмотря на слабую урбанизацию края и абсолютное большинство коми-пермяцкого населения в округе, будущее коми языка под угрозой, а язык диаспор находится еще в гораздо худших условиях. Ассимиляция активно идет в городах и поселках городского типа и в райцентрах. Вторая тревожная тема – молодежь, точнее ее отторжение от родного языка, что связано с переходом на русский язык как язык социального и профессионального роста, язык высокой культуры. Коми-пермяцкий язык удерживает твердые позиции лишь в обширном сельском регионе на юге округа, вокруг столицы Кудымкара.

В V главе «Проблемы периферии национального меньшинства в открытых дискуссиях начала 90-х годов» автор дает картину общественной полемики по различным вопросам жизни округа на основе публикаций в окружной газете «Парма». Вначале обсужден вопрос о росте общественной активности и этнорегionalной мобилизации в Российской Федерации вообще и в финно-угорских регионах в частности. Дан обстоятельный обзор важнейших публикаций, рассматривающих статус округа, политическую обстановку и экономику края, проблемы природопользования, в том числе план строительства атомной электростанции на территории округа. Проблемы языка и культуры обсуждались на страницах газеты и на многих собраниях, конференциях общества «Югёр», однако, как утверждает автор, вопросы языка не были в округе предметом всеобщего внимания и подробного обсуждения.

VI глава содержит выводы и заключение по монографии в целом. Автор подчеркивает, что этническое развитие коми-пермяков напрямую связано с периферизацией округа и со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из-за удаленности, окраинности и всеобщей зависимости от областного центра округ можно характеризовать как внешнюю периферию. По уровню ассимиляции, как утверждает исследователь, коми-пермяки схожи с мордвой и российскими карелами. Однако, если судить по языковой ассимиляции, такой вывод кажется спорным, ибо, согласно данным микропереписи населения 1994 г., дома общаются на русском языке 552 коми-пермяка из каждой 1000, в то время как у мордвы этот показатель равен 763, у карел – 854, у коми-зырян – 601². Если же говорить об этническом самосознании, то не существует достаточно

достоверных сопоставимых данных, которые бы позволяли делать те выводы, к которым приходит автор. Последнее обстоятельство, впрочем, не означает, что мы не согласны с этим заключением. Важно отметить, что в округе ни само население, ни руководство не обеспокоены вопросами сохранения языка и национальной самобытности. Коми-пермяки в городских условиях обладают неуверенным, шатким самосознанием. Этнорегиональная мобилизация находится на стадии зарождения. Выход из кризиса, по мнению автора, прямо зависит от общего положения в Российской Федерации. Одним из возможных вариантов улучшения ситуации может быть изменение связей округа, ориентация его на развитие многосторонних контактов с Республикой Коми, т.е. нарушение односторонней зависимости от областного центра. Однозначно можно утверждать, что возможный выход из серьезного социально-экономического, этнического кризиса потребует много времени.

Делая общий вывод о работе Сеппо Лаллукка, можно сказать, что автору удалось глубоко охарактеризовать как отдельные этапы, так и общие тенденции развития коми-пермяцкого этноса, выявить наиболее сложные проблемы современной жизни народа. Отмечено, что Коми-Пермяцкий округ с 1960-х годов является стагнирующей территорией, а этническая культура коми-пермяков находится в процессе эрозии. Процесс этнической эрозии достаточно убедительно подтвержден статистическими данными, материалами массового опроса населения, публицистикой и другими материалами. Важно отметить, что в работе чувствуется четкая авторская позиция по всем обсуждаемым вопросам. Все положения и выводы автора аргументированы, хотя порой, на наш взгляд, требуют более строгого обоснования. Закономерным представляется и основной вывод: коми-пермяцкий этнос переживает глубокий и многосторонний кризис, который постоянно углубляется. Вместе с тем, на наш взгляд, пути выхода из кризиса, о которых упоминает С. Лаллукка, являются весьма спорными и сама возможность преодоления этого кризиса сегодня вряд ли существует.

Примечания

¹ *Шабает Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания // *Этнограф. обозрение.* 1994. № 4. С. 26–35; *Shabaev Ju., Lallukka S., Derjabin V.* Between Assimilation and Accomodation: Problems of Komi-Permiak identity Maintenance // *Studia Slavica Finlandensia.* Т. XI. Helsinki, 1994. P. 101–118; *Шабает Ю.П.* Коми-пермяцкая диаспора. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 341. Сыктывкар, 1994; *Шабает Ю.П.* О национально-культурном развитии коми-пермяков // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 180–189; *Shabaev Ju.* The Komi-Permians. Search for Identity in the Russian North // *Northern People Southern States. Maintaining Ethnicities in the Circumpolar World.* Cerum. Umea. 1996. P. 169–181; *Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабает Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург, 1996 и др.

² Финно-угорские регионы России в цифрах. Стат. сб. Сыктывкар, 1996. С. 37.

Цыпанов Е.А., Шабает Ю.П.

© 1997 г., ЭО, № 4

ЦЕННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Вышел в свет 9-й том библиографической серии Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук «Русский фольклор», вобравший материалы, опубликованные в России на русском языке с 1800 по 1855 г.¹ На этот раз справочник появился благодаря помощи издательства «Дмитрий Буланин» и без двойного грифа (не упомянута Библиотека Российской Академии наук), но с сохранением привычного внешнего вида предыдущих выпусков².

Указатель открывается заметкой «От составителя» (с. 6), затем следует вступительная статья Т.Г. Ивановой «Литература по русскому фольклору в 1800–1855 годах», в которой указаны характерные черты исследования устно-поэтического творчества обозреваемого периода (с. 7–19).

В XIX в. исследователи начали понимать эстетическую и нравственную ценность народной культуры, фольклора в частности. Однако до середины столетия проходило, главным образом, накопление фактических данных без достаточного их осмысления. Определяющей чертой фольклористической мысли анализируемого пятидесятилетия, по мнению Т.Г. Ивановой, является процесс вычленения науки о народном творчестве из круга родственных ей гуманитарных дисциплин (этнография, литературоведение, история, лингвистика) и формирования в самостоятельную, новую для России область познания. В статье говорится о